

Василий АКСЕНОВ:

«Слабый – это не всегда лучший»

ния Анны Карениной или метания Родиона Раскольникова?

– Почему не понимают? Это огромная страна, и там можно встретить много Раскольников... А какой процент самоубийц среди женщин! Это ведь тоже подражание Анне Карениной.

– Какая была разница между нашей интеллигенцией и американской? Долго привыкали к ней?

– Знаете, мне очень повезло. Я сразу попал в университет, и все свои 24 года в Америке я преподавал в университетах на кампусах. Там я дружил с замечательными людьми, они тоже были профессорами. Но интеллигенция – русское понятие. У Набокова есть формула русской интеллигенции: «Интеллигент – это тот, кто сочувствует любому, кто ниже».

– Есть мнения, что российская журналистика постепенно превращается в профессию, о служивую власть и бюрократию. Вам не кажется, что что-то похожее может случиться и с литературой, с писателями?

– Теоретически это возможно, но практически трудно представить. Но я бы не сказал, что российская пресса не свободная. Она во многом раскованнее, чем западная.

– Вы имеете в виду желтые издания?

– Не только. Я имею в виду и анализ ситуации. На Западе тоже есть подобострастие перед властью, но у них это называется «сбалансированностью».

– Тем не менее если в Германии назначение бывшего канцлера на пост в «Газпроме» вылилось в дискуссию о моральной и этической стороне, то в России все знают про систему «откатов», но никто не несет за них никакой ответственности. Также трудно представить, чтобы в прессе обсуждались моральные качества крупных чиновников.

– Об «откатах» знают все... А что вы хотите? У нас же вся страна воровская. Так что все это, о чём мы сказали, – национальные черты. То, что были в России в 90-х годах, – это колоссальный Клондайк. Хорошо, что еще он был растищен при такой малой крови. Все состояния, которые были тогда сделаны, создавались благодаря удаче, наглости и отчаянию. Я слышал, что за все эти годы погибли 30 тысяч бизнесменов.

– С кем вы знакомы из нового класса собственников?

– Знаком кое с кем. Например, с тем же Березовским. Это очень умный и интеллигентный человек.

– И ничего, что он стал покупать посты чиновников?

– Это когда он стал заниматься политикой.

– Можно лирический вопрос: вы возвращаетесь в город детства, бываете в Казани?

– Нет, мои родственники по отцу уже перебрались в Москву. В середине 90-х я как-то глядел по Волге на теплоходе, и так получилось, что он почти сутки стоял в Казани.

– Грустно было ходить по тем улицам, где бегали мальчишкой?

– Я эмигрант и космополит и поэтому не могу сказать, что мне еще раз хочется побывать там. У меня нет никакой тоски.

СПРАВКА

Василий АКСЕНОВ – известный русский писатель, автор таких книг, как «Апельсины из Марокко», «Затворенная бочкотара», «Рандеву», «Охог», «Остров Крым», «Московская сага», «Новый сладостный стиль». Родился в 1932 году в Казани. Ему не было еще пяти лет, когда его родители стали узниками сталинских лагерей. Школу будущему писателю пришлось окончить в Магадане, где его мать – Евгения Гинзбург (автор знаменитой книги «Крутой маршрут») – после десятилетнего срока находилась в ссылке. После окончания Ленинградского медицинского института (1956) некоторое время работал врачом. С 1960 года – профессиональный литератор. В 1978 году был одним из составителей и авторов легендарного самиздатского альманаха «Метрополь», изданного спустя год американским издательством «Ардис». В 1980 году Василий Аксенов выехал по приглашению в США, вскоре после чего был лишен советского гражданства. С конца 80-х годов вновь издается в России. В начале 90-х писателю было возвращено российское гражданство. В 2004 году за роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» стал лауреатом литературной премии «Букер – Открытая Россия».

– Недавно из Америки вы перебрались в Европу...

– Да, в основном я живу в Москве, но часть времени провожу в Биаррице (один из самых фешенебельных курортов Франции). – «НИ», у меня там есть маленький домик для отдыха. Там пишу.

– Неужели в Москве не пишется?

– Пишется, но ваш брат журналист не дает писать.

– Вы как-то признались, что уехали из Америки с обидой.

– Это обида на людей книжного бизнеса. Сейчас в нем идет очень нехороший процесс – процесс превращения книги, особенно романа, в товар. Романы, в которых есть попытка разобраться в себе, стараются придержать или совсем не печатать. Литература самовыражения уходит.

– В России это тоже есть?

– Пока в меньшей степени, но будет.

– Можно сказать, что Америка – страна уюта?

– Да, вы это правильно сказали. Это удивительная страна уюта.

– Как же тогда блоковский призыв: «И вечный бой! Покой нам только снится»?

– В Америке нет никакого вечного боя. Но рано или поздно она рухнет, ведь все империи когда-нибудь рушатся. Если же рухнет аме-

риканская империя, то это будет катастрофа для всего мира. Тогда некому будет заниматься арабами, китайцами и греметь тяжелым кулаком демократии.

– Все-таки как вам творилось в американском уюте?

– Когда я говорю о нем, то это вовсе не относится к духовной жизни. Я имею в виду какие-то покупки или поездки. Если вы, например, покупаете дом, то, въезжая в него, можете быть уверены, что в нем есть все, что необходимо. А в России вы купите бетонные стены с торчащими проводами. В Америке изумительные по комфорту дома, причем по цене они доступны для среднего класса.

– Понимают ли люди, живущие в этих комфортных домах, терза-

ются не говорят. Университетский интеллигент совершенно ничего не говорит о бизнесе, если он, конечно, не экономист. Я и своим студентам всегда говорил: «Входя в университет, вы становитесь частью меньшинства и должны этим гордиться».

– Вы преподавали 24 года. Не устали?

– Устал и поэтому с удовольствием уехал.

– С удовольствием?

– Да, с удовольствием. При этом есть то, по чему я очень скучаю, – по университетскому общению.